

Внутри небольшого дворика все было также просто, как снаружи. Комната, прислоненная к горе, посередине тропинка из зеленого кирпича, ведущая к двери, по обеим сторонам от которой все заросло травой. Казалось, здесь никто не следит за этим, и дикая трава росла там, где ей вздумается.

Но все же было одно отличие от внешнего дворика – на деревянной двери комнаты висела плотная черная ткань, и кроме этой двери не было ни окон, ни других выходов из комнаты.

Глядя на эту простую дверь, Зевул почувствовал, как у него пересохло в горле, а руки невольно сжались в кулаки. Он посмотрел на Пухона, но на лице монаха было странное задумчивое выражение, схожее с сожалением и болью, и нельзя было сказать точно, почему он также как Зевул смотрит на комнату впереди.

Никто не произносил ни слова, воцарилась тишина. Только где-то в глубокой траве рядом застрекотали цикады.

В итоге, Пухон все же легко вздохнул и сказал: «Что ж, идем!»

На лице Зевула дернулась жилка, он тихо ответил: «Да».

Пухон медленно пошел вперед, отодвинул черную завесу ткани и открыл скрипучую дверь. Раздалось приглушенное эхо, судя по всему, сюда очень много дней никто не приходил и не нарушал покой этого места.

Из комнаты тут же почувствовалось дыхание холода, и хотя Зевул все еще стоял снаружи, он ощутил это очень ясно. Казалось, внутри комнаты находится самое холодное место на свете.

Зевул нахмурился, в его душу закрались сомнения, но прямо в этот момент из-за черной завесы раздался голос Пухона: «Прошу тебя, входи!»

Зевул глубоко вдохнул, встряхнул головой, отодвинул черную ткань и сделал большой шаг внутрь.

Ткань медленно опустилась за ним, дверь снова издала скрип и легко закрылась.

В маленьком дворике снова стало тихо, Фасян медленно подошел чуть ближе к небольшой комнатке, прочитал молитву и отвесил поклон. На его лице было серьезное выражение.

Ткань опустилась, дверь захлопнулась, и из-за отсутствия окон внутри комнаты стало темно.

Со всех сторон ощущался леденящий холод, словно тысячи ледяных иголок врезались в тело.

Раны Зевула еще не зажили, и эта схватка с холодом не шла ему на пользу. Но используя свои внутренние силы и некоторые магические приемы он быстро привык. Теперь холод не мог проникнуть в его тело, но это все еще было не очень приятно.

Здесь, очевидно, было намного холоднее, чем в Северных ледяных равнинах Поднебесной.

В душе Зевул подивился этому, и как раз в минуты раздумий он услышал тихий голос Пухона: «Брат, мы пришли навестить тебя, и... ты хотел увидеть этого человека уже очень давно!»

Его голос был странно тихим, а холод в комнате стал еще сильнее, так что даже кровь начинала застывать в жилах.

Затем сверкнул тусклый свет, бело-серебристого цвета, распространившийся от Пухона и осветивший Зевула и всю комнату вокруг.

Этот свет был похож на иней, сначала тусклый, потом все более яркий. В конце концов свет сформировался в шар величиной примерно в чжан.

Его свет заплясал снегом по стенам, превращая реальность вокруг в иллюзию. Затем светящийся шар вдруг сверкнул, Зевул и Пухон услышали только странный свист, вместе с которым светом озарилась вся комната.

В тот же миг Пухон тихо прочел молитву, а Зевул почувствовал, как вся кровь внутри него застыла, так что он не чувствовал больше тепла. Даже собственного сердцебиения он не слышал, оно как будто остановилось.

Он только стоял на месте, словно ледяной столб, замерев и глядя перед собой, а в его голове постоянно крутилась только одна мысль. Только одно имя.

Пучжи!

Белый свет мягким сиянием исходил от круглого постамента, вместе с леденящим холодом. На постаменте не более чжана в диаметре сидел человек. Тот, кто изменил судьбу Дан Сайона, тот, кто заставлял Зевула страдать по сей день – Пучжи.

Издалека его лицо казалось словно живым, и хотя оно было очень бледным, на нем не было ни следа гнева или боли. Если посмотреть внимательно, на нем даже почти не было морщин. Он словно не изменился с того самого дня, когда они впервые встретились. Только...

Его тело.

Тело Пучжи почему-то стало намного меньше, чем было когда-то. Именно поэтому он мог поместиться на небольшом постаменте. К тому же, вокруг не было ни кусочка льда, при этом стоял жуткий холод. Очевидно, комната была зачарована. Скорее всего, именно поэтому тело Пучжи смогло сохраниться так долго.

□

Но Зевул сейчас думал совсем не об этом. Этот человек, сидящий перед ним, намертво был запечатлен в его сердце, за десять лет он не смог его забыть. Чувствовал ли он ненависть?

Или благодарность?

□

Его голова опустела, в один миг вокруг словно поднялся ураган, в котором его сердце потерялось навсегда...

□

Милосердный и добрый монах, который спас его жизнь, который относился к нему как к сыну, но при этом тот, кто изменил его жизнь, причинил ему невыносимую боль, превратил его судьбу в ад...

Благодарность и ненависть боролись внутри него все это время, но он никогда не думал, что сможет увидеть вновь это лицо.

□

Зевул не смог устоять на месте, его голова закружилась, а в глазах потемнело, так что он даже начал падать. Но тут его поддержала чья-то теплая рука, он услышал знакомый вздох и ощутил силу Глубокой Мудрости Скайи, которая передалась ему от этой руки, успокоив сердце и вернув тепло его крови.

□

«Амитабха, Брат Дан Сайон. Не надо так волноваться, тебе нужно беречь здоровье». Голос Пухона был спокойным и тихим.

□

Зевул словно очнулся ото сна, закусил губу, глубоко вздохнул и отпустил руку Пухона. Он поднялся на ноги. Все это время он не сводил глаз с лица Пучжи. В мягком свете на лице Пучжи отражалась боль, словно он тоже смотрел на Зевула.

Пухон стоял рядом и тоже внимательно смотрел на него. На его глазах лицо Зевула исказилось болью, и затем продолжило меняться. Сейчас он уже не был демоном, которого боится вся Поднебесная. Он был обычным человеком, молодым парнем, как и десять лет назад. Он тихо вздохнул и посмотрел в сторону Пучжи. Затем подошел, взгляделся в его лицо и тихо сказал: «Брат, твое последнее посмертное желание исполнилось, я помог этому осуществиться. Прости, что не смог спасти тебя тогда. Но ты сам выбрал этот путь, зло порождает зло. Ты ведь сам учил меня этому когда-то. Надеюсь, что ты сможешь переродиться в достойной жизни! Амитабха!»

□

Он сложил руки в молитве и поклонился. Затем отошел назад к выходу. Перед тем, как выйти из комнаты, он просто сказал: «Брат Дан Сайон, я думаю, что ты хочешь побыть с братом

Пучжи наедине немного. Я жду снаружи, если что-то понадобится, позови».

□

Зевул ничего не ответил, он словно не слышал. Его взгляд сейчас был направлен только на Пучжи.

Пухон вздохнул и, открыв дверь, вышел. В комнате стало тихо. Зевул медленно, очень медленно подошел к Пучжи.

Он словно был чем-то напуган и не понимал, что происходит. Он очевидно ненавидел его всем сердцем, но откуда сейчас внутри него взялась эта жуткая боль и горечь?

Монах спокойно сидел перед ним, словно чего-то ожидая. На его лице словно тоже отразилось ожидание вместо боли.

Зевул медленно подошел к нему, посмотрел прямо на Пучжи и сжал кулаки, так что ногти вонзились в ладони. Но в итоге он все же их расслабил.

Словно потеряв опору, он тихо опустился на пол и сел перед Пучжи, не проронив ни слова.

Мягкий свет озарял только его и Пучжи.

Тени в комнате шевелились, то прыгая, то перетекая, неизменными оставались только две души.

Но только одно из этих сердец билось по-прежнему, тогда как другое давно остановилось.

«Бом... Бом.... Бом.... Бом...» Снаружи снова пробили утренние часы, их звук прокатился по округе.

На вершине горы, в Небесном Монастыре, снаружи тихой комнаты снова раздался стук в дверь.

□

Пухон нахмурился и покачал головой, затем вздохнул: «Это Фасян? Входи!» Фасян вошел в комнату и поклонился. На его лице отражалось беспокойство. «Мастер, уже прошел целый день и целая ночь, но брат Дан Сайон до сих пор еще не вышел».

□

Пухон покачал головой и сказал: «Этот человек изменил его судьбу, он до сих пор не может простить этого. Не так-то просто сразу избавиться от всех обид!» Фасян кивнул. «Да». Затем снова спросил: «Мастер, я только беспокоюсь о том, что в комнате Яшмовое Блюдо, и хотя оно сохраняет тело Мастера Пучжи, его холод может навредить Дан Сайону. Его раны еще не затянулись целиком, к тому же он в расстроенных чувствах, если вдруг что-то случится... как мы сможем оправдаться перед душой Мастера Пучжи?»

Пухон просто сказал: «Не волнуйся. Вчера я наложил на него заклятие защиты Глубокой Мудрости, к тому же его собственный уровень способен защитить его тело от холода». Фасян облегченно вздохнул. «Ну если так, тогда я спокоен».

Пухон кивнул и, посмотрев на Фасяна, добавил: «Я вижу, ты очень заботишься об этом человеке. И хотя это можно объяснить данью уважения Мастеру Пучжи, мне кажется, что ты сам как-то иначе относишься к нему». Фасян улыбнулся. «Вы правы, Мастер. Так и есть».

Он словно вернулся на много лет назад в воспоминаниях, вздохнул и сказал: «Простите мне мои речи, Мастер. С тех пор, как я впервые увидел Дан Сайона, прошло уже больше десяти лет. За это время я также немного повысил свой уровень, многое осознал и помог многим людям. Но те беды, что пережил Дан Сайон, заставляют меня задуматься, что жизнь несправедлива, и одному человеку не должно выпадать столько горя. Почему Будда заставил его пережить все это?»

Пухон слегка шевельнулся, сложил руки в молитве и прочитал мантру.

Фасян продолжил: «Также иногда по вечерам я вспоминал об этом бедном парне, представлял, что было бы со мной, если бы все это выпало на мою судьбу. К несчастью, мой уровень недостаточно высок, чтобы не чувствовать страха. Будда говорит, что тело – всего лишь иллюзия, просто пыль, а главное – это душа. Но даже если и так, когда я думаю о бедах, которые пережил Дан Сайон, мне самому становится больно. Я преклоняюсь перед его стойкостью». Договорив, Фасян вдруг изменился в лице и поклонился на коленях перед Пухоном».

Пухон замер. «Что это с тобой?»

Фасян тихо сказал: «Мастер, мне жаль, что мой уровень все еще слишком низок, а познания не так глубоки, я не могу удержаться от жалости к Дан Сайону. Прошу вас, направьте его на верный путь, Будда сможет истребить все зло внутри него, спасти его от боли и страданий. Это очень милосердное деяние, которым мы сможем почтить память Мастера Пучжи. Прошу вас, Мастер!»

Договорив, он положил ладони на землю и трижды поклонился.

□

Пухон покачал головой и вздохнул. «Глупый ты еще, глупый. Я знаю, что ты говоришь это из сострадания. Но скажу еще раз, дело не в том, что я не хочу ему помочь. Дело в том, что он сам пережил столько страданий, что его сердце практически превратилось в камень, только очень необычный человек сможет затронуть его душу. Даже если его сердце примет Будду, это не принесет ему покоя. Я ничем не могу ему помочь, пока он сам этого не пожелает». Фасян медленно поднялся, тихо произнес молитву, на его лице отразилась тень разочарования, но он тихо сказал: «Да, Мастер. Ученик все понял».

Пухон, подумав немного, произнес: «Пойди проведай его, пусть холод для него не опасен, он все же ничего не ел уже целые сутки. Это тоже не очень хорошо».

Фасян кивнул, успокоился немного и пошел в сторону комнаты, где был Зевул. Но прямо в тот миг, когда он хотел выйти из комнаты Пухона, дверь вдруг раскрылась сама. Из-за спины Зевула светило солнце, так что его лицо было темным, и нельзя было разглядеть его выражение. Фасян вздрогнул и отступил назад, увидев Зевула, который молча стоял перед ним. Казалось, в нем не было никаких изменений, только лицо стало бледным, а глаза сильно покраснели, словно он всю ночь не сомкнул глаз.

□

Увидев Фасяна, Зевул медленно кивнул в его сторону, тот замер на миг и ответил молитвенным жестом. Затем Зевул медленно вошел в комнату и встал перед Мастером Пухоном. Так же как и вчера, Пухон сидел на своей кровати с четками в руках, которые постоянно перебирал. Увидев Зевула, он не изменился в лице, а просто сказал Фасяну: «Принеси стул брату Дан Сайону, и сам тоже присядь». Фасян кивнул, принес Зевулу стул и сам сел рядом.

Пухон немного помолчал, затем сказал: «Сейчас ты можешь спросить меня обо всем, что хочешь знать».

Взгляд Зевула был немного беспокойным, словно в его сердце не было спокойствия. Подумав, он тихо произнес: «Почему вы спасли меня?»

Пухон сложил руки в молитве и сказал: «Все вещи в мире имеют причину. То, что ты пережил столько бед в жизни, результат ошибки, совершенной Скайей. Поэтому мы не могли позволить тебе умереть».

Зевул фыркнул. «Вы не боитесь, что Айне отвернется от вас после этого?»

Пухон улыбнулся. «Боимся».

Зевул, услышав это признание, удивленно спросил: «Но тогда почему...» Пухон покачал головой. «У Скайи хорошие отношения с Айне, наши предки всегда сотрудничали, нельзя просто так обрывать эти связи. Поэтому в тот день мы все надели черные одежды и не оставляли следов нашей магии, когда пришли, чтобы выкрасть тебя».

Зевул холодно усмехнулся. «Среди людей Айне есть очень сильные маги, что если они все же найдут следы?»

□

Пухон просто ответил: «Я приказал все скрыть, чтобы не допустить раздора между школами Света, только поэтому. Если что-то раскроется, ничего страшного, ради твоего спасения мы готовы пойти на это».

□

Зевул посмотрел на Пухона и спросил снова: «Так почему же все-таки вы так хотите меня спасти?»

В этот раз Пухон долго молчал, а Зевул не переспрашивал, глядя на него.

Через какое-то время Пухон тяжело вздохнул. «Ты не хотел бы узнать, что случилось с Пучжи перед смертью, когда он из последних сил добрался до Храма Скайи?»

□

Зевул вздрогнул, не зная, что сказать. Глядя на его горькое выражение, можно было понять, что происходит в его сердце. Затем он тихо прошептал: «Хотел бы».

Его голос почему-то стал хриплым.

<http://tl.rulate.ru/book/13084/358299>